

ПОВЕСТИ ПОКОЙНОГО ИВАНА ПЕТРОВИЧА БЕЛКИНА

Г-жа Простакова
То, мой батюшка, он еще сызмала
к историям охотник
Скотинин
Митрофан по мне.

«Недоросль»

ОТ ИЗДАТЕЛЯ

Взявшись хлопотать об издании повестей И.П. Белкина, предлагаемых ныне публике, мы желали к оным присовокупить хотя краткое жизнеописание покойного автора и тем отчасти удовлетворить справедливому любопытству любителей отечественной словесности. Для сего обратились было мы к Марье Алексеевне Трафилиной, ближайшей родственнице и наследнице Ивана Петровича Белкина; но, к сожалению, ей невозможно было нам доставить никакого о нем известия, ибо покойник вовсе не был ей знаком. Она советовала нам отнестись по сему предмету к одному почтенному мужу, бывшему другом Ивану Петровичу. Мы последовали сему совету и на письмо наше получили нижеследующий желаемый ответ. Помещаем его безо всяких перемен и примечаний, как драгоценный памятник благородного образа мнений и трогательного дружества, а вместе с тем как и весьма достаточное биографическое известие.

*Милостивый государь мой ** **!*

Почтеннейшее письмо ваше от 15-го сего месяца получить имел я честь 23 сего же месяца, в коем вы изъявляете мне свое желание иметь подробное известие о времени рождения и смерти, о службе, о домашних обстоятельствах, также и о занятиях и нраве покойного Ивана Петровича Белкина, бывшего моего искреннего друга и соседа по поместьям. С великим моим удовольствием исполняю сие ваше желание и препровождаю к вам, милостивый государь мой, всё, что из его разговоров, а также из собственных моих наблюдений запомнить могу.

Иван Петрович Белкин родился от честных и благородных родителей в 1798 году в селе Горюхине. Покойный отец его, секунд-майор Петр Иванович Белкин, был женат на девице Пелагее Гавриловне из дому Трафилиных. Он был человек небогатый, но умеренный, и по части хозяйства весьма смысленный. Сын их получил первоначальное образование от деревенского дьячка. Сему-то почтенному мужу был он, какжется, обязан охотою к чтению и занятиям по части русской словесности. В 1815 го-

ду вступил он в службу в пехотный егерский полк (числом не упомню), в коем и находился до самого 1823 года. Смерть его родителей, почти в одно время приключившаяся, понудила его подать в отставку и приехать в село Горюхино, свою отчину.

Вступив в управление имения, Иван Петрович, по причине своей неопытности и мягкосердия, в скором времени запустил хозяйство и ослабил строгий порядок, заведенный покойным его родителем. Сменив исправного и расторопного старосту, коим крестьяне его (по их привычке) были недовольны, поручил он управление села старой своей ключнице, приобретшей его доверенность искусством рассказывать истории. Сия глупая старуха не умела никогда различить двадцатипятирублевой ассигнации от пятидесятирублевой; крестьяне, коим она всем была кума, ее вовсе не боялись; ими выбранный староста до того им потворствовал, плутуя заодно, что Иван Петрович принужден был отменить барщину и учредить весьма умеренный оброк; но и тут крестьяне, пользуясь его слабостию, на первый год выпросили себе нарочитую льготу, а в следующие – более двух третей оброка платили орехами, брусникою и тому подобным; и тут были недоимки.

Быв приятель покойному родителю Ивана Петровича, я почитал долгом предлагать и сыну свои советы и неоднократно вызывался восстановить прежний, им упущенный, порядок. Для сего, приехав однажды к нему, потребовал я хозяйственные книги, призвал плута-старосту и, в присутствии Ивана Петровича, занялся рассмотрением оных. Молодой хозяин сначала стал следовать за мною со всевозможным вниманием и прилежностью; но как по счетам оказалось, что в последние два года число крестьян умножилось, число же дворовых птиц и домашнего скота нарочито уменьшилось, то Иван Петрович довольствовался сим первым сведением и далее меня не слушал, и в ту самую минуту, как я своими разысканиями и строгими допросами плута-старосту в крайнее замешательство привел и к совершенному безмолвию принудил, с великою моею досадою услышал я Ивана Петровича, крепко храпящего на своем стуле. С тех пор перестал я вмешиваться в его хозяйственные распоряжения и предал его дела (как и он сам) распоряжению Всевышнего.

Сие дружеских наших сношений несколько, впрочем, не расстроило; ибо я, соболезнуя его слабости и пагубному нерадению, общему молодым нашим дворянам, искренно любил Ивана Петровича; да нельзя было и не любить молодого человека столь кроткого и честного. С своей стороны Иван Петрович оказывал уважение к моим летам и сердечно был ко мне привержен. До самой кончины своей он почти каждый день со мною виделся, дорожа простою моею беседою, хотя ни привычками, ни образом мыслей, ни нравом мы большею частию друг с другом не сходились.

Иван Петрович вел жизнь самую умеренную, избегал всякого рода излишеств; никогда не случилось мне видеть его навеселе (что в краю нашем за неслыханное чудо почесться может); к женскому же полу имел он великую склонность, но стыдливость была в нем истинно девическая¹.

Кроме повестей, о которых в письме вашем упоминать изволите, Иван Петрович оставил множество рукописей, которые частью у меня находятся, частью употреблены его ключницею на разные домашние потребности. Таким образом прошлою зимою

¹ Следует анекдот, коего мы не помещаем, полагая его излишним; впрочем, уверяем читателя, что он ничего предосудительного памяти Ивана Петровича Белкина в себе не заключает.

все окна ее флигеля заклеены были первою частию романа, которого он не кончил. Вышеупомянутые повести были, кажется, первым его опытом. Они, как сказывал Иван Петрович, большею частию справедливы и слышаны им от разных особ¹. Однако ж имена в них почти все вымышлены им самим, а названия сел и деревень заимствованы из нашего околотка, отчего и моя деревня где-то упомянута. Сие произошло не от злого какого-либо намерения, но единственно от недостатка воображения.

Иван Петрович осенью 1828 года занемог простудною лихорадкою, обратившеюся в горячку, и умер, несмотря на неуспешные старания уездного нашего лекаря, человека весьма искусного, особенно в лечении закоренелых болезней, как-то мозолей и тому подобного. Он скончался на моих руках, на 30-м году от рождения, и похоронен в церкви села Горюхина близ покойных его родителей.

Иван Петрович был росту среднего, глаза имел серые, волосы русые, нос прямой; лицом был бел и худощав.

Вот, милостивый государь мой, всё, что мог я припомнить касательно образа жизни, занятий, нрава и наружности покойного соседа и приятеля моего. Но в случае, если заблагорассудите сделать из сего моего письма какое-либо употребление, всепокорнейше прошу никак имени моего не упоминать; ибо хотя я весьма уважаю и люблю сочинителей, но в сие звание вступить полагаю излишним и в мои лета неприличным. С истинным моим почтением и проч.

1830 году, ноября 16.

Село Ненарадово.

Почитая долгом уважить волю почтенного друга автора нашего, приносим ему глубочайшую благодарность за доставленные нам известия и надеемся, что публика оценит их искренность и добродушие.

А. П.

ВЫСТРЕЛ

Стрелялись мы.

Баратынский

Я поклялся застрелить его по праву дуэли
(за ним остался еще мой выстрел).

Вечер на бивуаке

I

Мы стояли в местечке ***. Жизнь армейского офицера известна. Утром – ученье, манеж; обед у полкового командира или в жидовском трактире; вечером – пуниш и карты. В *** не было ни одного открытого дома, ни одной невесты; мы соби-
рались друг у друга, где, кроме своих мундиров, не видали ничего.

¹ В самом деле, в рукописи г. Белкина над каждою повестью рукою автора надписано: слышано мною от такой-то особы (чин или звание и заглавные буквы имени и фамилии). Выписываем для любопытных изыскателей: «Смотритель» рассказан был ему титулярным советником А. Г. Н., «Выстрел» – подполковником И. Л. П., «Гробовщик» – приказчиком Б. В., «Метель» и «Барышня» – девицею К. И. Т.

Один только человек принадлежал нашему обществу, не будучи военным. Ему было около тридцати пяти лет, и мы за то почитали его стариком. Опытность давала ему перед нами многие преимущества; к тому же его обыкновенная угрюмость, крутой нрав и злой язык имели сильное влияние на молодые наши умы. Какая-то таинственность окружала его судьбу; он казался русским, а носил иностранное имя. Некогда он служил в гусарах, и даже счастливо; никто не знал причины, побудившей его выйти в отставку и поселиться в бедном местечке, где жил он вместе и бедно, и расточительно: ходил вечно пешком, в изношенном черном сюртуке, а держал открытый стол для всех офицеров нашего полка. Правда, обед его состоял из двух или трех блюд, изготовленных отставным солдатом, но шампанское лилось притом рекою. Никто не знал ни его состояния, ни его доходов, и никто не осмеливался о том его спрашивать. У него водились книги, большею частию военные, да романы. Он охотно давал их читать, никогда не требуя их назад; зато никогда не возвращал хозяину книги, им занятой. Главное упражнение его состояло в стрельбе из пистолета. Стены его комнаты были все источены пулями, все в скважинах, как соты пчелиные. Богатое собрание пистолетов было единственной роскошью бедной мазанки, где он жил. Искусство, до коего достиг он, было неимоверно, и если б он вызвался пулей сбить грушу с фуражки кого б то ни было, никто б в нашем полку не усомнился подставить ему своей головы. Разговор между нами касался часто поединков; Сильвио (так назову его) никогда в него не вмешивался. На вопрос, случалось ли ему драться, отвечал он сухо, что случалось, но в подробности не входил, и видно было, что таковые вопросы были ему неприятны. Мы полагали, что на совести его лежала какая-нибудь несчастная жертва его ужасного искусства. Впрочем, нам и в голову не приходило подозревать в нем что-нибудь похожее на робость. Есть люди, коих одна наружность удаляет таковые подозрения. Нечаянный случай всех нас изумил.

Однажды человек десять наших офицеров обедали у Сильвио. Пили по-обыкновенному, то есть очень много; после обеда стали мы уговаривать хозяина прометать нам банк. Долго он отказывался, ибо никогда почти не играл; наконец велел подать карты, высыпал на стол полсотни червонцев и сел метать. Мы окружили его, и игра завязалась. Сильвио имел обыкновение за игрою хранить совершенное молчание, никогда не спорил и не объяснялся. Если понтёру случалось обсчитаться, то он тотчас или доплачивал достальное, или записывал лишнее. Мы уж это знали и не мешали ему хозяйничать по-своему; но между нами находился офицер, недавно к нам переведенный. Он, играя тут же, в рассеянности загнул лишний угол. Сильвио взял мел и уравнил счет по своему обыкновению. Офицер, думая, что он ошибся, пустился в объяснения. Сильвио молча продолжал метать. Офицер, потеряв терпение, взял щетку и стер то, что казалось ему напрасно записанным. Сильвио взял мел и записал снова. Офицер, разгоряченный вином, игрою и смехом товарищей, почел себя жестоко обиженным и, в бешенстве схватив со стола медный шандал, пустил его в Сильвио, который едва успел отклониться от удара. Мы смутились. Сильвио встал, поблел от злости и с сверкающими глазами сказал: «Милостивый государь, извольте выйти, и благодарите Бога, что это случилось у меня в доме».

Мы не сомневались в последствиях и полагали нового товарища уже убитым. Офицер вышел вон, сказав, что за обиду готов отвечать, как будет угодно господину банкомету. Игра продолжалась еще несколько минут; но, чувствуя, что хозяину было

не до игры, мы отстали один за другим и разбрелись по квартирам, толкуя о скорой вакансии.

На другой день в манеже мы спрашивали уже, жив ли еще бедный поручик, как сам он явился между нами; мы сделали ему тот же вопрос. Он отвечал, что об Сильвио не имел он еще никакого известия. Это нас удивило. Мы пошли к Сильвио и нашли его на дворе, сажающего пулю на пулю в туза, приклеенного к воротам. Он принял нас по-обыкновенному, ни слова не говоря о вчерашнем происшествии. Прошло три дня; поручик был еще жив. Мы с удивлением спрашивали: неужели Сильвио не будет драться? Сильвио не дрался. Он довольствовался очень легким объяснением и помирился.

Это было чрезвычайно повредило ему во мнении молодежи. Недостаток смелости менее всего извиняется молодыми людьми, которые в храбрости обыкновенно видят верх человеческих достоинств и извинение всевозможных пороков. Однако ж малопомалу все было забыто, и Сильвио снова приобрел прежнее свое влияние.

Один я не мог уже к нему приблизиться. Имея от природы романическое воображение, я всех сильнее прежде сего был привязан к человеку, коего жизнь была загадкою и который казался мне героем таинственной какой-то повести. Он любил меня; по крайней мере со мной одним оставлял обыкновенное свое резкое злоречие и говорил о разных предметах с простодушием и необыкновенною приятностию. Но после несчастного вечера мысль, что честь его была замарана и не омыта по его собственной вине, эта мысль меня не покидала и мешала мне обходиться с ним по-прежнему; мне было совестно на него глядеть. Сильвио был слишком умен и опытен, чтобы этого не заметить и не угадывать тому причины. Казалось, это огорчало его; по крайней мере я заметил раза два в нем желание со мною объясниться; но я избегал таких случаев, и Сильвио от меня отступился. С тех пор видался я с ним только при товарищах, и прежние откровенные разговоры наши прекратились.

Рассеянные жители столицы не имеют понятия о многих впечатлениях, столь известных жителям деревень или городков, например об ожидании почтового дня: во вторник и пятницу полковая наша канцелярия бывала полна офицерами: кто ждал денег, кто письма, кто газет. Пакеты обыкновенно тут же распечатывались, новости сообщались, и канцелярия представляла картину самую оживленную. Сильвио получал письма, адресованные в наш полк, и обыкновенно тут же находился. Однажды подали ему пакет, с которого он сорвал печать с видом величайшего нетерпения. Пробегая письмо, глаза его сверкали. Офицеры, каждый занятый своими письмами, ничего не заметили.

– Господа, – сказал им Сильвио, – обстоятельства требуют немедленного моего отсутствия; еду сегодня в ночь; надеюсь, что вы не откажетесь отобедать у меня в последний раз. Я жду и вас, – продолжал он, обратившись ко мне, – жду непременно.

С сим словом он поспешно вышел; а мы, согласясь соединиться у Сильвио, разошлись каждый в свою сторону.

Я пришел к Сильвио в назначенное время и нашел у него почти весь полк. Всё его добро было уже уложено; оставались одни голые, простреленные стены. Мы сели за стол; хозяин был чрезвычайно в духе, и скоро веселость его сделалась общою; пробки хлопали поминутно, стаканы пенились и шипели беспрестанно, и мы со всевозможным усердием желали отъезжающему доброго пути и всякого блага. Встали из-за

стола уже поздно вечером. При разборе фуражек Сильвио, со всеми прощаясь, взял меня за руку и остановил в ту самую минуту, как собирался я выйти.

– Мне нужно с вами поговорить, – сказал он тихо.

Я остался. Гости ушли; мы остались вдвоем, сели друг против друга и молча закурили трубки. Сильвио был озабочен; не было уже и следов его судорожной веселости. Мрачная бледность, сверкающие глаза и густой дым, выходящий изо рта, придавали ему вид настоящего дьявола. Прошло несколько минут, и Сильвио прервал молчание.

– Может быть, мы никогда больше не увидимся, – сказал он мне. – Перед разлукой я хотел с вами объясниться. Вы могли заметить, что я мало уважаю постороннее мнение; но я вас люблю, и чувствую: мне было бы тягостно оставить в вашем уме несправедливое впечатление.

Он остановился и стал набивать выгоревшую свою трубку; я молчал, потупя глаза.

– Вам было странно, – продолжал он, – что я не требовал удовлетворения от этого пьяного сумасброда Р ***. Вы согласитесь, что, имея право выбрать оружие, жизнь его была в моих руках, а моя почти безопасна: я мог бы приписать умеренность мою одному великодушью, но не хочу лгать. Если б я мог наказать Р ***, не подвергая опасности мою жизнь, то я б ни за что не простил его.

Я смотрел на Сильвио с изумлением. Таковое признание совершенно смутило меня. Сильвио продолжал:

– Так точно: я не имею права подвергать себя смерти. Шесть лет тому назад я получил пощечину, и враг мой еще жив.

Любопытство мое сильно было возбуждено.

– Вы с ним не дрались? – спросил я. – Обстоятельства, верно, вас разлучили?

– Я с ним дрался, – отвечал Сильвио, – и вот памятник нашего поединка.

Сильвио встал и вынул из картона красную шапку с золотою кистью, с галуном (то, что французы называют *bonnet de police*¹); он ее надел; она была прострелена на вершок ото лба.

– Вы знаете, – продолжал Сильвио, – что я служил в *** гусарском полку. Характер мой вам известен: я привык первенствовать, но смолоду это было во мне страстью. В наше время буйство было в моде: я был первым буйном по армии. Мы хвастались пьянством: я перепил славного Бурцова, воспетого Денисом Давыдовым. Дуэли в нашем полку случались поминутно: я на всех бывал или свидетелем, или действующим лицом. Товарищи меня обожали, а полковые командиры, поминутно сменяемые, смотрели на меня как на необходимое зло...

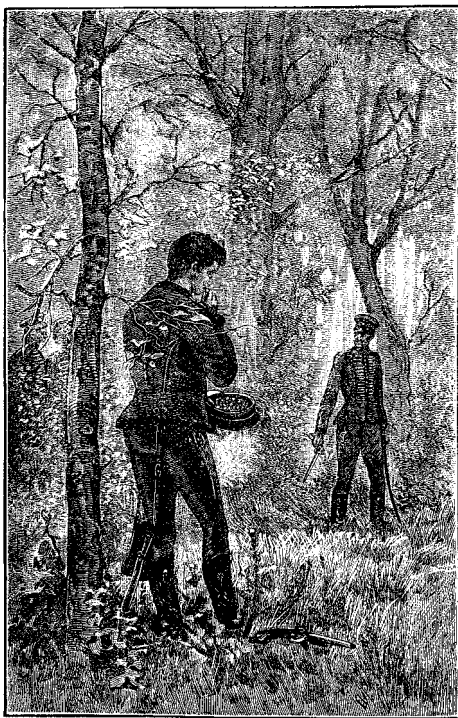
Я спокойно (или беспокойно) наслаждался моею славою, как определился к нам молодой человек богатой и знатной фамилии (не хочу назвать его). Отроду не встречал счастливца столь блистательного! Вообразите себе молодость, ум, красоту, веселость самую бешеную, храбрость самую беспечную, громкое имя, деньги, которым не знал он счета и которые никогда у него не переводились, и представьте себе, какое действие должен был он произвести между нами. Первенство мое поколебалось. Обольщенный моею славою, он стал было искать моего дружества; но я принял его

¹ полицейская шапка (*офицерская фуражка формы пилотки*) (фр.).

холодно, и он безо всякого сожаления от меня удалился. Я его возненавидел. Успехи его в полку и в обществе женщин приводили меня в совершенное отчаяние. Я стал искать с ним ссоры; на эпиграммы мои отвечал он эпиграммами, которые всегда казались мне неожиданнее и острее моих и которые, конечно, не в пример были веселее: он шутил, а я злобствовал. Наконец однажды на бале у польского помещика, видя его предметом внимания всех дам, и особенно самой хозяйки, бывшей со мною в связи, я сказал ему на ухо какую-то плоскую грубость. Он вспыхнул и дал мне пощечину. Мы бросились к саблям; дамы попадали в обморок; нас растащили, и в ту же ночь поехали мы драться.

Это было на рассвете. Я стоял на назначенном месте с моими тремя секундантами. С неизъяснимым нетерпением ожидал я моего противника. Весеннее солнце взошло, и жар уже наспевал. Я увидел его издали. Он шел пешком, с мундиром на сабле, сопровождаемый одним секундантом. Мы пошли к нему навстречу. Он приблизился, держа фуражку, наполненную черешнями. Секунданты отмерили нам двенадцать шагов. Мне должно было стрелять первым, но волнение злобы во мне было столь сильно, что я не понадеялся на верность руки и, чтобы дать себе время остыть, уступал ему первый выстрел; противник мой не соглашался. Положили бросить жребий: первый номер достался ему, вечному любимцу счастья. Он прицелился и прострелил мне фуражку. Очередь была за мною. Жизнь его наконец была в моих руках; я глядел на него жадно, стараясь уловить хотя одну тень беспокойства. Он стоял под пистолетом, выбирая из фуражки спелые черешни и выплевывая косточки, которые долетали до меня. Его равнодушие взбесило меня. «Что пользы, – подумал я, – лишить его жизни, когда он ею вовсе не дорожит?» Злобная мысль мелькнула в уме моем. Я опустил пистолет. «Вам, кажется, теперь не до смерти, – сказал я ему, – вы изволите завтракать; мне не хочется вам помешать». – «Вы ничуть не мешаете мне, – возразил он, – извольте себе стрелять, а впрочем, как вам угодно; выстрел ваш остается за вами; я всегда готов к вашим услугам». Я обратился к секундантам, объявив, что нынче стрелять не намерен, и поединок тем и кончился...

Я вышел в отставку и удалился в это местечко. С тех пор не прошло ни одного дня, чтоб я не думал о мщении. Ныне час мой настал...



Сильвио вынул из кармана утром полученное письмо и дал мне его читать. Кто-то (казалось, его поверенный по делам) писал ему из Москвы, что *известная особа* скоро должна вступить в законный брак с молодой и прекрасной девушкой.

– Вы догадываетесь, – сказал Сильвио, – кто эта *известная особа*. Еду в Москву. Посмотрим, так ли равнодушно примет он смерть перед своей свадьбой, как некогда ждал ее за черешнями!

При сих словах Сильвио встал, бросил об пол свою фуражку и стал ходить взад и вперед по комнате, как тигр по своей клетке. Я слушал его неподвижно; странные, противоположные чувства волновали меня.

Слуга вошел и объявил, что лошади готовы. Сильвио крепко сжал мне руку; мы поцеловались. Он сел в тележку, где лежали два чемодана, один с пистолетами, другой с его пожитками. Мы простились еще раз, и лошади поскакали.

II

Прошло несколько лет, и домашние обстоятельства принудили меня поселиться в бедной деревеньке N ** уезда. Занимаясь хозяйством, я не переставал тихонько вздыхать о прежней моей шумной и беззаботной жизни. Всего труднее было мне привыкнуть проводить осенние и зимние вечера в совершенном уединении. До обеда кое-как еще дотягивал я время, толкуя со старостой, разъезжая по работам или обходя новые заведения; но коль скоро начинало смеркаться, я совершенно не знал, куда деваться. Малое число книг, найденных мною под шкафами и в кладовой, были отвержены мною наизусть. Все сказки, которые только могла запомнить ключница Кирилловна, были мне пересказаны; песни баб наводили на меня тоску. Принялся я было за неподслащенную наливку, но от нее болела у меня голова; да признаюсь, боялся я сделаться пьяницею с горя, т. е. самым *горьким* пьяницею, чему примеров множество видел я в нашем уезде.

Блиzkих соседей около меня не было, кроме двух или трех *горьких*, коих беседа состояла большею частью в икоте и вздыханиях. Уединение было сноснее. Наконец решился я ложиться спать как можно ранее, а обедать как можно позже; таким образом укоротил я вечер и прибавил долготы дней, и обретох, яко се добро есть.

В четырех верстах от меня находилось богатое поместье, принадлежащее графине B ***; но в нем жил только управитель, а графиня посетила свое поместье только однажды, в первый год своего замужества, и то прожила там не более месяца. Однако ж, во вторую весну моего затворничества разнесся слух, что графиня с мужем придет на лето в свою деревню. В самом деле, они прибыли в начале июня месяца.

Приезд богатого соседа есть важная эпоха для деревенских жителей. Помещики и их дворовые люди толкуют о том месяца два прежде и года три спустя. Что касается до меня, то, признаюсь, известие о прибытии молодой и прекрасной соседки сильно на меня подействовало; я горел нетерпением ее увидеть, и потому в первое воскресенье по ее приезде отправился после обеда в село *** рекомендоваться их сиятельствам, как ближайший сосед и всепокорнейший слуга.

Лакей ввел меня в графский кабинет; а сам пошел обо мне доложить. Обширный кабинет был убран со всевозможною роскошью; около стен стояли шкафы с книгами, и над каждым бронзовый бюст; над мраморным камином было широкое зеркало;

пол обит был зеленым сукном и устлан коврами. Отвыкнув от роскоши в бедном углу моем и уже давно не видав чужого богатства, я оробел и ждал графа с каким-то трепетом, как проситель из провинции ждет выхода министра. Двери отворились, и вошел мужчина лет тридцати двух, прекрасный собою. Граф приблизился ко мне с видом открытым и дружелюбным; я старался ободриться и начал было себя рекомендовать, но он предупредил меня. Мы сели. Разговор его, свободный и любезный, вскоре рассеял мою одичалую застенчивость; я уже начинал входить в обыкновенное мое положение, как вдруг вошла графиня, и смущение овладело мною пуще прежнего. В самом деле, она была красавица. Граф представил меня; я хотел казаться развязным, но чем больше старался взять на себя вид непринужденности, тем более чувствовал себя неловким. Они, чтоб дать мне время оправиться и привыкнуть к новому знакомству, стали говорить между собою, обходясь со мною как с добрым соседом и без церемонии. Между тем я стал ходить взад и вперед, осматривая книги и картины. В картинах я не знаток, но одна привлекла мое внимание. Она изображала какой-то вид из Швейцарии; но поразила меня в ней не живопись, а то, что картина была прострелена двумя пулями, всаженными одна в другую.

– Вот хороший выстрел, – сказал я, обращаясь к графу.

– Да, – отвечал он, – выстрел очень замечательный. А хорошо вы стреляете? – продолжал он.

– Изрядно, – отвечал я, обрадовавшись, что разговор коснулся наконец предмета, мне близкого. – В тридцати шагах промаху в карту не дам, разумеется, из знакомых пистолетов.

– Право? – сказала графиня, с видом большой внимательности. – А ты, мой друг, попадешь ли в карту на тридцати шагах?

– Когда-нибудь, – отвечал граф, – мы попробуем. В свое время я стрелял не худо; но вот уже четыре года, как я не брал в руки пистолета.

– О, – заметил я, – в таком случае бысь об заклад, что ваше сиятельство не попадете в карту и в двадцати шагах; пистолет требует ежедневного упражнения. Это я знаю на опыте. У нас в полку я считался одним из лучших стрелков. Однажды случилось мне целый месяц не брать пистолета; мои были в починке; что же бы вы думали, ваше сиятельство? В первый раз, как стал потом стрелять, я дал сряду четыре промаха по бутылке в двадцати шагах. У нас был ротмистр, остряк и забавник; он тут случился и сказал мне: знать, у тебя, брат, рука не поднимается на бутылку. Нет, ваше сиятельство, не должно пренебрегать этим упражнением, не то отвыкнешь как раз. Лучший стрелок, которого удалось мне встречать, стрелял каждый день, по крайней мере три раза перед обедом. Это у него было заведено, как рюмка водки.

Граф и графиня рады были, что я разговорился.

– А каково стрелял он? – спросил меня граф.

– Да вот как, ваше сиятельство: бывало, увидит он, села на стену муха... Вы смеетесь, графиня? Ей-Богу, правда... Бывало, увидит муху и кричит: «Кузька, пистолет!» Кузька и несет ему заряженный пистолет. Он хлоп, и вдавливает муху в стену!

– Это удивительно! – сказал граф. – А как его звали?

– Сильвио, ваше сиятельство.

– Сильвио! – вскричал граф, вскочив со своего места. – Вы знали Сильвио?

– Как не знать, ваше сиятельство, мы были с ним приятели; он в нашем полку прият был как свой брат – товарищ; да вот уже лет пять, как об нем не имею никакого известия. Так и ваше сиятельство, стало быть, знали его?

– Знал, очень знал. Не рассказывал ли он вам одного очень странного происшествия?

– Не пощечина ли, ваше сиятельство, полученная им на бале от какого-то повесы?

– А сказывал он вам имя этого повесы?

– Нет, ваше сиятельство, не сказывал... Ах, ваше сиятельство! – продолжал я, догадываясь об истине. – Извините... я не знал... уж не вы ли?..

– Я сам, – отвечал граф, с видом чрезвычайно расстроенным, – а простреленная картина есть памятник последней нашей встречи.

– Ах, милый мой, – сказала графиня, – ради Бога, не рассказывай; мне страшно будет слушать.

– Нет, – возразил граф, – я все расскажу; он знает, как я обидел его друга: пусть же узнает, как Сильвио мне отомстил.

Граф подвинул мне кресла, и я с живейшим любопытством услышал следующий рассказ.

«Пять лет тому назад я женился. Первый месяц, the honey-moon¹, провел я здесь, в этой деревне. Этому дому обязан я лучшими минутами жизни и одним из самых тяжелых воспоминаний.

Однажды вечером ездили мы вместе верхом; лошадь у жены что-то заупрямилась; она испугалась, отдала мне поводья и пошла пешком домой. Я поехал вперед. На дворе увидел я дорожную телегу; мне сказали, что у меня в кабинете сидит человек, не хотевший объявить своего имени, но сказавший просто, что ему до меня есть дело. Я вошел в эту комнату и увидел в темноте человека, запыленного и обросшего бородой; он стоял здесь, у камина. Я подошел к нему, стараясь припомнить его черты. «Ты не узнал меня, граф?» – сказал он дрожащим голосом. «Сильвио!» – закричал я, и признаюсь, я почувствовал, как волосы стали на мне дыбом. «Так точно, – продолжал он, – выстрел за мною; я приехал разрядить мой пистолет; готов ли ты?» Пистолет у него торчал из бокового кармана. Я отмерил двенадцать шагов и стал там, в углу, прося его выстрелить скорее, пока жена не воротилась. Он медлил; он спросил огня. Подали свечи. Я запер двери, не велел никому входить и снова просил его выстрелить. Он вынул пистолет и прицелился... Я считал секунды... я думал о ней... Ужасная прошла минута! Сильвио опустил руку. «Жалею, – сказал он, – что пистолет заряжен не черешневыми косточками... пуля тяжела. Мне все кажется, что у нас не дуэль, а убийство: я не привык целить в безоружного. Начнем сызнова; кинем жребий, кому стрелять первому». Голова моя шла кругом... Кажется, я не соглашался... Наконец мы зарядили еще пистолет; свернули два билета; он положил их в фуражку, некогда мною простреленную; я вынул опять первый номер. «Ты, граф, дьявольски счастлив», – сказал он с усмешкою, которой я никогда не забуду. Не понимаю, что со мною было и каким образом мог он меня к тому принудить... но я выстрелил и попал вот в эту картину. (Граф указал пальцем на простреленную картину; лицо его горело, как огонь; графиня была бледнее своего платка; я не мог воздержаться от восклицания.)

Я выстрелил, – продолжал граф, – и, славу Богу, дал промах; тогда Сильвио... (в эту минуту он был, право, ужасен) Сильвио стал в меня прицеливаться. Вдруг двери отво-

¹ Медовый месяц (англ.).

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Предисловие</i>	4
--------------------------	---

ЛИРИЧЕСКИЕ СТИХОТВОРЕНИЯ

1812

Песня (О, Делия, драгая)	7
Делия (Ты ль передо мною)	7
Измены («Все миновалось!..»)	8

1814

К сестре (Ты хочешь, друг бесценный)	10
К другу стихотворцу (Арист, и ты в толпе служителей Парнаса)	13
Кольна. <i>Подражание Оссиану</i> (Источник быстрый Каломоны)	15
Эвлега. <i>Из поэмы Парни «Isnel et Aslega»</i> (Вдали ты зришь утес уединенный)	19
Осгар. <i>Подражание Парни</i> (По камням гробовым, в туманах полуночи)	20
Леда. <i>Кантата, подражание Парни</i> (Средь темной рощицы, под тенью лип душистых)	23
Лаиса Венере, посвящая ей свое зеркало. <i>Из Вольтера</i> (Вот зеркало мое – прими его, Киприда)	24
Красавице, которая нюхала табак (Возможно ль? Вместо роз, Амуром насажденных)	25
Stances. <i>Княжне Е.М. Горчаковой (Avez-vous vu la tendre rose)</i>	26
К Наталье (Так, и мне узнать случилось)	26
К молодой актрисе (Ты не наследница Клероны)	29
Опытность (Кто с минуту переможет)	30
Блаженство (В роще сумрачной, тенистой)	31
Пирующие студенты (Друзья, досужий час настал)	33
К Батюшкову (Философ резвый и пиит)	36
К Н.Г. Ломоносову (И ты, любезный друг, оставил)	38
Романс (Под вечер, осенью ненастной)	39
Mon portrait (Vous me demandez mon portrait)	40
Городок. К *** (Прости мне, милый друг)	41
Казак (Раз полунощной порою)	51
Воспоминания в Царском Селе (Навис покров угрюмой ночи)	53
Эпиграммы	57
«Арист нам обещал трагедию такую...» (57). Подражание французскому (Супругою твоею я так пленился) (57). Несчастье Клита (Внук Тредьяковского Клит гекзаметром песенки пишет) (57). На гр. А.К. Разумовского (Ты слышал весть смешную) (57). На поэму князя С.А. Ширинского-Шихматова («Пожарский, Минин, Гермоген...») (58).	

1815

Бова. <i>Отрывок</i> (Часто, часто я беседовал)	58
Наполеон на Эльбе (Вечерняя заря в пучине догорала)	65
Рассудок и любовь (Младой Дафнис, гоняясь за Доридой)	67
Роза (Где наша роза)	68

Старик. <i>Из Маро</i> (Уж я не тот любовник страстный)	68
Гроб Анакреона. <i>Из Парни</i> (Все в таинственном молчанье)	68
Лицинию (Лициний, зришь ли ты: на быстрой колеснице)	69
К Батюшкову (В пещерах Геликона)	71
Слеза (Вчера за чашей пуншевою)	72
Вода и вино (Люблю я в полдень воспаленный)	73
Погреб (О, скальгесь надо мною)	73
К живописцу (Дитя харит и вдохновенья)	74
Воспоминание. <i>К ИИ. Пуцину</i> (Помнишь ли, мой брат по чаше)	74
К Ив. Ив. Пуцину (Любезный именинник)	75
Послание к Юдину (Ты хочешь, милый друг, узнать)	77
К Дельвигу (Послушай, муз невинных)	82
Князю А.М. Горчакову (Пускай, не знаясь с Аполлоном)	84
Мое завещание друзьям (Хочу я завтра умереть)	85
Моя эпитафия (Здесь Пушкин погребен. Он с музой молодою)	87
К А.И. Галичу (Пускай угрюмый рифмотор)	87
Послание к А.И. Галичу (Где ты, ленивец мой?)	88
Моему Аристарху (Помилуй, трезвый Аристарх)	92
Эпиграмма на Рыбушкина (Бывало, прежних лет герой)	95
Мечтатель (По небу крадется луна)	95
Сраженный рыцарь (Последним сияньем за лесом горя)	97
Александрю. <i>На возвращение государя императора из Парижа в 1815 году</i> (Утихла брань племен; в пределах отдаленных)	98
К баронессе М.А. Дельвиг (Вам восемь лет, а мне семнадцать било)	100
Вишня (Румяной зарею)	101
<i>1816</i>	
К Маше (Вчера мне Маша приказала)	103
Усы. <i>Философическая ода</i> (Глаза скосив на ус кудрявый)	104
Желание (Христос воскрес, питомец Феба)	105
Фавн и пастушка. <i>Картины</i> (С пятнадцатой весною)	106
Амур и Гименей (Сегодня, добрые мужья)	112
Фиал Анакреона (Когда на поклоненье)	113
Послание Лиде (Тебе, наперсница Венеры)	114
Пуншевая песня. <i>Из Шиллера</i> (Силы четыре)	115
Заздравный кубок (Кубок тяжелый)	116
Истина (Издавна мудрые искали)	117
Наездники (Глубокой ночи на полях)	117
К принцу Оранскому (Довольно битвы мчался гром)	119
Послание к князю А.М. Горчакову (Встречаюсь я с осмынадцатой весной)	120
Сон. <i>Отрывок</i> (Пускай поэт с кадильницей наемной)	122
«Любовь одна – веселье жизни хладной!..»	127
Окно (Где мир, одной мечте послушный)	128
Наслаждение (В неволе скучной увядает)	129
Надпись к беседке (С благоговейною душой)	130
Твой и мой (Бог весть, за что философы, пииты)	130
К Морфею (Морфей, до утра дай отраду)	130
Пробуждение (Мечты, мечты)	130
К письму (В нем радости мои; когда померкну я)	131
Желание (Медлительно влекутся дни мои)	131
К ней (Эльвина, милый друг)	132

Месяц (Зачем из облака выходишь)	132
Уныние (Мой милый друг, расстался я с тобою)	133
Певец (Слышали ль вы за рощей глас ночной)	133
Элегия. <i>Подражание</i> (Я видел смерть: она сидела)	134
Элегия (Счастлив, кто в страсти сам себе)	135
Осеннее утро (Поднялся шум; свирелью полевой)	135
К Наташе (Вянет, вянет лето красно)	136
Княжне В.М. Волконской (On peut très bien, mademoiselle)	136
Элегия (Опять я ваш, о юные друзья)	137
Друзьям (Богами вам еще даны)	138
А.А. Шишкову (Шалун, увенчанный Эратой и Венерой)	138
Молитва русских (Боже, царя храни)	139
Элегия (Я думал, что любовь погасла навсегда)	139
Слово милой (Я Лилу слушал у клавира)	140
Лиле (Лила, Лила, я страдаю)	141
К молодой вдове (Лида, друг мой неизменный)	141
«Больны вы, дядюшка?..»	142
Надпись на мой портрет (Не бойся, Глазунов, ты моего портрета)	142
На лицейского дядьку Сазонова, оказавшегося убийцей (Завтра с свечкой грошевою)	142
Завещание Кюхельбекера (Друзья, простите! Завещаю)	142
Экспромт на Огареву (В молчанье пред тобой сижу)	143
Она («Печален ты; признайся, что с тобой?..»)	143
На Кюхельбекера (Вот Виля – он любовью дышит)	143
На смерть стихотворца (Покойник Клиг в раю не будет)	143
«Скажи, что нового». – Ни слова...»	143
Эпиграммы на Пучкову	144
«Пучкова, право, не смешна...» (144). «Зачем об инвалидной доле...» (144). «Зачем кричишь ты, что ты дева...» (144).	

1817

К Жуковскому (Благослови, поэт! В тиши парнасской сени)	144
К.А. Бакуниной (Что можем наскоро стихами молвить ей)	147
К портрету П.Я. Чаадаева (Он вышней волею небес)	147
К портрету Каверина (В нем пунша и войны кипит всегдашний жар)	148
К П.П. Каверину (Забудь, любезный мой Каверин)	148
Надпись на стене больницы (Вот здесь лежит больной студент)	148
Добрый человек (Ты прав: несносен Фирс ученый)	148
История стихотворца (Внимает он привычным ухом)	149
Стансы. <i>Из Вольтера</i> (Ты мне велишь пылать душою)	149
Сновидение. <i>Из Вольтера</i> (Недавно, обольщен прелестным сновиденьем)	150
Письмо к Лиде (Лишь благосклонный мрак раскинет)	150
Добрый совет. <i>Из Парни</i> (Давайте пить и веселиться)	151
Именины (Умножайте шум и радость)	151
Торжество Вахса (Откуда чудный шум, неистовые клики)	151
Дельвигу (Любовью, дружеством и ленью)	154
В альбом А.Д. Иличевскому (Мой друг, не славный я поэт)	155
В альбом А.Н. Зубову (Пройдет любовь, умрут желанья)	155
В альбом Пуцину (Взглянув когда-нибудь на тайный сей листок)	155
Разлука (В последний раз, в сени уединенья)	156

Портрет (Вот карапузик наш, монах)	156
Couplets (Quand un poète en son extase)	157
Товарищам (Промчались годы заточенья)	158
Послание к В.Л. Пушкину (Скажи, парнасский мой отец)	158
Безверие (О вы, которые с язвительным упреком)	161
К ней (В печальной праздности я лиру забывал)	163
К Баболовскому дворцу (Прекрасная! Пускай восторгом насладится)	164
«Простите, верные дубравы!..»	164
Е.С. Огаревой, которой митрополит прислал плодов из своего сада (Митрополит, хвастун бесстыдный)	164
А.И. Тургеневу (Тургенев, верный покровитель)	165
К *** (Не спрашивай, зачем унылой думой)	166
«Краев чужих неопытный любитель...»	166
Н.И. Кривцову (Не пугай нас, милый друг)	167
Эпиграммы	167
«Как брань тебе не надоела?..» (167). «Хоть, впрочем, он поэт изрядный...» (167).	
<i>1818</i>	
К Ф.Ф. Юрьеву (Любимец ветренных Лаис)	168
К Щербинину (Житье тому, любезный друг)	169
Н.И. Кривцову. <i>При посылке Вольтеровой поэмы</i> (Когда сожмешь ты снова руку)	170
К Чаадаеву (Любви, надежды, гордой славы)	170
Прелестнице. <i>Штейнгель</i> (К чему нескромным сим убором)	171
Выздоровление (Тебя ль я видел, милый друг)	171
Мечтателю. <i>В.К. Кюхельбекеру</i> (Ты в страсти горестной находишь наслажденье)	172
К портрету Жуковского (Его стихов пленительная сладость)	173
Жуковскому. <i>На издание книжечек его: «Для немногих»</i> (Когда, к мечтательному миру)	173
В альбом Е.Я. Сосницкой (Вы соединить могли с холодностью сердечной)	174
Эпиграммы	174
На Карамзина (В его «Истории» изящность, простота) (174). «Послушайте: я вам скажу про старину...» (174). На Фотия (Полуфанатик, полулут) (174). Про себя (Великим быть желаю) (174). Наденьке (С тобой приятно уделить) (175).	
<i>1819</i>	
Ф.Ф. Юрьеву (Здорово, Юрьев именинник)	175
Вас. Вас. Энгельгардту (Я ускользнул от Эскулапа)	175
Стансы. <i>Я.Н. Толстому</i> (Философ ранний, ты бежишь)	176
Орлову (О ты, который сочел)	177
Русалка. <i>Баллада</i> (Над озером, в глухих дубровах)	178
Деревня (Приветствую тебя, пустынный уголок)	179
Домовому (Поместья мирного незримый покровитель)	181
Недоконченная картина (Чья мысль восторгом угадала)	182
Возрождение (Художник-варвар кистью сонной)	182
К Н.Я. Плюсковой. <i>Ответ на вызов написать стихи в честь государыни императрицы Елизаветы Алексеевны</i> (На лире скромной, благородной)	182
Н.В. Всеволожскому (Прости, счастливый сын пиров)	183
Кн. А.М. Горчакову (Питомец мод, большого света друг)	185
К нему же. <i>Отрывок</i> (Уж я не тот! Мои златые годы)	186

Веселый пир (Я люблю вечерний пир)	186
На А.М. Колосову (Все пленяет нас в Эсфири)	186

1820

Дорида (В Дориде нравятся и локоны золотые)	187
Дориде. <i>Подражание А. Шенье</i> (Я верю: я любим; для сердца нужно верить)	187
Оленьке Массон (Ольга, крестница Киприды)	187
Платонизм. <i>Подражание Парни</i> (Я знаю, Лиденька, мой друг)	188
«Мне бой знаком – люблю я звук мечей...»	189
На Аракчеева (Всей России притеснитель)	189
«Погасло дневное светило...»	190
Элегия (Увы, зачем она блистает)	191
«О, дева-роза, я в оковах...»	191
Виноград (Не стану я жалеть о розах)	191
Нереида (Среди зеленых волн, лобзающих Тавриду)	192
«Редает облаков летучая гряда...»	192
Чаадаеву. <i>С морского берега Тавриды</i> (К чему холодные сомненья)	192
Фонтану Бахчисарайского дворца (Фонтан любви, фонтан живой)	193
Дочери Карагеоргия (Гроза Луны, свободы воин)	194
Черная шаль. <i>Молдавская песня</i> (Гляжу как безумный на черную шаль)	194
«Мне вас не жаль, года весны моей...»	195
Эпиграммы	196
На Каченовского (Хавронис! ругатель законсельный) (196). «Когда б писать ты начал слу- ру...» (196). На Ф.И. Толстого (В жизни мрачной и презренной) (196).	

1821

Земля и море. <i>Идиллия Мосха</i> (Когда по синеве морей)	196
Дева (Я говорил тебе: «Страшися девы милой!»)	197
Дионся (Хромид в тебя влюблен)	197
Красавица перед зеркалом (Взгляни на милую, когда свое чело)	197
Муза (В младенчестве моем она меня любила)	198
Желание (Кто видел край, где роскошью природы)	198
К Аглае (И вы поверить мне могли)	199
Элегия (Я пережил свои желанья)	200
Кинжал (Лемносский бог тебя сковал)	201
П.А. Катенину (Кто мне пришлет ее портрет)	202
Чаадаеву (В стране, где я забыл тревоги прежних лет)	202
К моей чернильнице (Подруга думы праздной)	204
«Наперсница волшебной старины...»	207
Сетование. <i>Д.В. Давыдову</i> (Недавно я, в часы свободы)	207
Н.С. Алексееву (Мой милый, как несправедливы)	208
Гроб юноши (Сокрылся он)	209
Наполеон (Чудесный жребий совершился)	210
Элегия (Умолкну скоро я)	213
К *** (Мой друг, забыты мной следы минувших лет)	214
Война (Война! Подъяты наконец)	214
К Овидию (Овидий, я живу близ тихих берегов)	215
Десятая заповедь (Добра чужого не желать)	218
К портрету кн. П.А. Вяземского (Судьба свои дары явить желала в нем)	218
Генералу Павлу Серг. Пушкину (В дыму, в крови, сквозь тучи стрел)	218
Подражание. <i>Песни песней</i> (В крови горит огонь желанья)	219

Г-же Эйхфельдт (Ни блеск ума, ни стройность платья)	219
«Лизе страшно полюбить...»	219
«Всегда так будет, как бывало...»	220
На Каченовского (Клеветник без дарованья)	220
«Составлен он из подлой смеси...»	220
<i>1822</i>	
«Люблю ваш сумрак неизвестный...»	220
Приметы (Старайся наблюдать различные приметы)	221
Друзьям (Вчера был день разлуки шумной)	221
Узник (Сижу за решеткой в темнице сырой)	222
Песнь о вещем Олеге (Как ныне собирается вещий Олег)	222
Птичка (В чужбине свято наблюдаю)	225
Вадим. <i>Отрывки из неоконченной поэмы и драмы</i> (Свод неба мраком обложился)	225
Уединение (Блажен, кто в отдаленной сени)	230
Приятелю (Не притворяйся, милый друг)	231
Баратынскому из Бессарабии (Сия пустынная страна)	231
Ему же (Я жду обещанной тетради)	231
Гречанке (Ты рождена воспламенять)	232
Адели (Играй, Адель)	232
К Ф.Н. Глинке (Когда средь оргий жизни шумной)	233
Из «Отрывков» (В голубом эфире поле)	233
Эпиграммы	233
«У Клариссы денег мало...» (233). «Нет ни в чем вам благодати...» (234). Жалоба (Ваш дед портной, ваш дядя повар) (234). Русскому Геснеру (Куда ты холоден и сух) (234).	
<i>1823</i>	
Телега жизни (Хоть тяжело подчас в ней бремя)	234
Демон. <i>А.Н. Раевскому</i> (В те дни, когда мне были новы)	235
Княгине М.А. Голицыной (Давно об ней воспоминанье)	235
Элегия (Простишь ли мне ревнивые мечты)	236
«Ненастный день потух; ненастной ночи мгла...»	237
Ночь (Мой голос для тебя и ласковый, и томный)	237
Отрывок (Недвижный страж дремал на царственном пороге)	238
«Встань, о Греция, встань...»	239
«Сказали раз царю, что наконец...»	239
«Свободы сеятель пустынный...»	240
Надгробная надпись кн. А.Н. Голицыну (Отрадным ангелом ты с неба к нам явился)	240
<i>1824</i>	
Давыдову. <i>На приглашение ехать с ним морем на полуденный берег Крыма</i> (Нельзя, мой толстый Аристипп)	241
Иностранке. <i>В альбом</i> (На языке, тебе не внятном)	241
«Тимковский царствовал – и все твердили вслух...»	242
На Воронцова (Полумилорд, полукупец)	242
Экспромт. <i>На канцелярском деле</i> (Саранча летела, летела)	242
К морю (Прощай, свободная стихия)	242
Аквилон (Зачем ты, грозный аквилон)	244
Прозерпина. <i>Подражание Парни</i> (Плещут волны Флегетона)	244

Испанский романс (Ночной зефир)	245
К Языкову (Издревле сладостный союз)	246
Разговор книгопродавца с поэтом (Стишки для вас одна забава)	247
Первое послание цензору (Угрюмый сторож муз, гонитель давний мой)	253
Второе послание цензору (На скользком поприще Тимковского наследник)	256
Коварность (Когда твой друг на глас твоих речей)	257
Подражание А. Шенье (Ты вянешь и молчишь, печаль тебя снедает)	258
Подражания Корану (Клянусь четой и нечетой)	259
Признание. <i>К Александре Ивановне Осиповой</i> (Я вас люблю, хоть я бешусь)	263
Ода его сиятельству графу Дм. Ив. Хвостову (Султан ярится. Кровь Эллады)	264
Эпиграммы	266
На петербургское наводнение (Напрасно ахнула Европа) (266). На Александра I (Воспи- танный под барабаном) (266). «Охотник до журнальной драки...» (266). «Лихой товарищ наших дедов...» (267).	
Из черновых набросков	267
«Всё кончено: меж нами связи нет...» (267). «В пещере тайной, в день гоненья...» (267).	
1825	
Андрей Шенье. <i>Посвящено НН. Раевскому</i> (Меж тем как изумленный мир)	267
Сожженное письмо (Прощай, письмо любви, прощай! Она велела)	272
Вакхическая песня (Что смолкнул веселия глас)	272
Подражание. <i>Песни песней</i> (Вертоград моей сестры)	273
Прятелям (Враги мои, покамест я ни слова)	273
К именинице (Хотя стишки на именины)	273
«Если жизнь тебя обманет...»	274
Сафо (Счастливый юноша, ты всем меня пленил)	274
«Там, где Семеновский полк...»	274
Жив, жив курилка! <i>На МТ. Каченовского</i> (Как, жив еще курилка-журналист)	275
Козлову. <i>По получении от него «Чернеца»</i> (Певец, когда перед тобой)	275
Из письма к А.Г. Родзянко (Наперник Феба и Приапа)	276
Ех ungue leonem (Недавно из стихами как-то свистнул)	276
П.А. Осиповой (Быть может уж недолго мне)	276
Желание славы (Когда любовию и негой упоенный)	277
К А.П. Керн (Я помню чудное мгновенье)	277
К А.Г. Родзянко (Ты обещал о романтизме)	278
Прозаик и поэт (О чем, прозаик, ты хлопчешь)	279
Движение (Движенья нет, сказал мудрец брадатый)	279
Дружба (Что дружба? Легкий пыл похмелья)	279
Соловей и кукушка (В лесах, во мраке ночи праздной)	280
Совет (Поверь: когда слепней и комаров)	280
Жених (Три дня купеческая дочь)	280
Последние цветы. <i>В альбом П.А. Осиповой</i> (Цветы последние милей)	285
19 октября 1825 (Роняет лес багряный свой убор)	285
Из А. Шенье (Покров, упитанный язвительною кровью)	289
Зимний вечер (Буря мглою небо кроет)	289
Н.Н. <i>При посылке ей «Невского альманаха»</i> (Примите «Невский альманах»)	290
К Баратынскому (Стих каждый в повести твоей)	291
Буря (Ты видел деву на скале)	291
Н.С. Мордвинову. <i>Отрывок</i> (Под хладом старости угрюмо угасал)	291

Переводы	292
Из Ариостова «Orlando Furioso» (Пред рыцарем блещит вода) (292). С португальского (Там звезда зари взошла) (295). Начало 1-й песни «Девственницы» (Я не рожден святыню славословить) (296).	
Песни в народном роде	297
«Еще дуют холодные ветры...» (297). «Стрекотуня белобока...» (297). «Колокольчики звенят...» (298). «Черный ворон выбирал белую лебедушку...» (298).	
Из черновых набросков (Лишь розы увядают)	298
<i>1826</i>	
К Зине. В альбом Е.Н. Вульф (Вот, Зина, вам совет: играйте)	299
Элегия. На смерть г-жи Ризнич (Под небом голубым страны своей родной) ...	299
Пророк (Духовной жаждою томим)	299
Е.А. Тимашевой (Я видел вас, я их читал)	300
«Зачем безвременную скуку...»	300
Зимняя дорога (Сквозь волнистые туманы)	301
В альбом кн. П.П. Вяземскому (Душа моя Павел)	302
Ответ Ф.А. Туманскому (Нет, не черкешенка она)	302
Ив. Ив. Пушкину (Мой первый друг, мой друг бесценный)	302
Стансы (В надежде славы и добра)	302
Сцена из «Фауста» (Мне скучно, бес)	303
<i>1827</i>	
Ангел (В дверях эдема ангел нежный)	307
Талисман (Там, где море вечно плещет)	307
Соловей и роза (В безмолвии садов, весной во мгле ночей)	308
Послание в Сибирь (Во глубине сибирских руд)	308
«Есть роза дивная: она...»	309
Е.Н. Ушаковой (Когда, бывало, в старину)	309
Княгине З.А. Волконской. При посылке ей поэмы «Цыганы» (Среди рассеянной Москвы)	309
К графине Н.В. Кочубей. При посылке ей оды «Вольность» (Простой воспитанник природы)	310
Княжне С.А. Урусовой (Не веровал я Троице доньне)	310
Эпиграммы	310
На А.Н. Муравьева (Лук звенит, стрела трепещет) (310). Кн. А.А. Мещерской (Тебе подобной в свете нет) (311). «Черна, как галка...» (311).	
Арион (Нас было много на челне)	311
Три ключа (В степи мирской, печальной и безбрежной)	311
Череп. Послание к Дельвигу (Прими сей череп, Дельвиг, он)	312
Поэт (Пока не требует поэта)	315
К Языкову (Языков, кто тебе внушил)	316
«Близ мест, где царствует Венеция златая...»	316
19 октября 1827 (Бог помочь вам, друзья мои)	317
Золото и булат («Все мое», – сказала злато)	317
Эпитафия младенцу Волконскому (В сиянии и в радостном покое)	317
Монолог Изабеллы из трагедии Альфieri «Филипп II» (Сомнение, страх, порочную надежду)	317
«Кто знает край, где небо блещет...»	318
Няне (Подруга дней моих суровых)	320

1828	
Друзьям (Нет, я не льстец, когда царю)	320
И.Е. Великопольскому, сочинителю «Сатиры на игроков» (Так элегическую лиру)	321
А.А. Олениной (Город пышный, город бедный)	322
Ее глаза. <i>В ответ на стихи кн. Вяземского</i> (Она мила, скажу меж нами)	323
«Каков я прежде был, таков и ныне я...»	323
Портрет (С своей пылающей душой)	323
«Не пой, красавица, при мне...»	324
К *** (Счастлив, кто избран своенравно)	324
Наперсник (Твоих признаний, жалоб нежных)	324
Цветок (Цветок засохший, безуханный)	325
To Dawe, esq (Зачем твой дивный карандаш)	325
«Увы! Язык любви болтливый...»	326
Воспоминание (Когда для смертного умолкнет шумный день)	326
«Я вижу в праздности, в неистовых пирах...»	327
Ты и вы (Пустое вы сердечным ты)	327
26 мая 1828 (Дар напрасный, дар случайный)	327
Предчувствие (Снова тучи надо мною)	328
Шотландская песня (Ворон к ворону летит)	328
Н.Д. Киселеву (Ищи в чужом краю здоровья и свободы)	329
«Я думал, сердце позабыло...»	329
Е.В. Вельяшевой (Подъезжая под Ижоры)	329
Послание П.И. Эгельстрому (О Эгельстром! я, восхищенный)	330
А.И. Вульф (За Netty сердцем я летаю)	331
Анчар. <i>Древо яда</i> (В пустыне чахлой и скупой)	331
Ответ Катенину (Напрасно, пламенный поэт)	332
Утопленник (Прибежали в избу дети)	332
Опричник. <i>Отрывок</i> (Какая ночь! Мороз трескучий)	335
Поэт и толпа (Поэт по лире вдохновенной)	336
Конрад Валленрод (Сто лет минуло, как тевтон)	338
И.В. Слѣнину (Я не люблю альбомов модных)	339
В.С. Филимонову. <i>При получении поэмы его «Дурацкий котик»</i> (Вам музы, милые старушки)	339
Подражание Анакреону (Кобылица молодая)	340
19 октября 1828 (Усердно помолившись Богу)	340
Ответ А.И. Готовцовой (И недоверчиво, и жадно)	340
П.А. Плетневу. <i>Посвящение 4 и 5 гл. «Евгения Онегина»</i> (Не мысля гордый свет забавить)	341
Эпиграммы	341
Любопытный (– Что ж нового? «Ей-Богу, ничего») (341). Собрание насекомых (Мое собрание насекомых) (342). «Неведомский – поэт, неведомый никем...» (342).	
Из черновых набросков (Рифма – звучная подруга)	342
1829	
Приметы. А.А. Олениной (Я ехал к вам: живые сны)	344
В альбом (Что в имени тебе моем?)	344
«Я вас любил; любовь еще, быть может...»	345
К А.П. Керн (Когда твои младые лета)	345
Е.Н. Ушаковой. <i>В альбом</i> (Вы избалованы природой)	345
Из ее же альбома. <i>Перед отъездом на Кавказ</i> (В отдалении от вас)	346

Отрывок (На холмах Грузии лежит ночная мгла)	346
Калмычке (Прощай, любезная калмычка)	347
Из Гафиза (Не пленяйся бранной славой)	347
Дон (Блеща средь полей широких)	348
Делибаш (Перестрелка за холмами)	348
Монастырь на Казбеке (Высоко над семью гор)	349
Кавказ (Кавказ подо мною. Один в вышине)	349
Дорожные жалобы (Долго ль мне гулять на свете)	350
Обвал (Дробясь о мрачные скалы)	351
Олегов щит (Когда по граду Константина)	351
«Зима. Что делать нам в деревне?»	352
Зимнее утро (Мороз и солнце – день чудесный)	353
Воспоминания в Царском Селе (Воспоминаньями смущенный)	354
Элегический отрывок (Поедем, я готов; куда бы вы, друзья)	355
Стансы (Брожу ли я вдоль улиц шумных)	356
Загадка. <i>При послышке Дельвигу бронзового сфинкса</i> (Кто на снегах возрастил Феокритовы нежные розы)	357
Эпиграммы	357
На Каченовского (В Элизии Василий Тредьяковский) (357). На Надеждина (Мальчишка Фебу гимн поднес) (358). Сапожник. <i>Притча</i> (Картину раз высматривал сапожник) (358). «Надеясь на мое презренье...» (359). К бюсту завоевателя (Напрасно видишь тут ошибку) (359). К Н.Н. (Счастлив ты в прелестных дурах) (359). «Поэт-игрок, о Беверлей- Горащий...» (360).	
Из черновых набросков	360
«Зорю бьют... из рук моих...» (360). «Был и я среди донцов...» (360). «Критон, роскошный гражданин...» (361).	
1830	
Ответ. <i>Е.Н. Ушаковой</i> (Я вас узнал, о мой оракул)	361
Циклоп. <i>Экспромт в костюме циклопа на маскараде у вел. кн. Елены Павловны</i> (Язык и ум теряя разом)	362
Стансы. <i>Митр. моск. Филарету</i> (В часы забав иль праздной скуки)	362
На перевод Илиады (Слышу умолкнувший звук)	362
Эпиграммы на Булгарина	363
«Не то беда, что ты поляк...» (363). «Ты целый свет уверить хочешь...» (363).	
Новоселье. <i>П.В. Нащокину</i> (Благословляю новоселье)	363
К вельможе. <i>Кн. Н.Б. Юсупову, в Архангельское</i> (От северных оков освобожда мир)	363
Поэту. <i>Сонет</i> (Поэт, не дорожи любовью народной)	366
Мадонна. <i>Сонет</i> (Не множеством картин старинных мастеров)	366
К ***. <i>Сонет</i> (Суровый Дант не презирал сонета)	367
Цыганы (Над лесистыми берегами)	367
Ответ анониму (О, кто бы ни был ты, чье ласковое пенье)	368
Бесы. <i>Шалость</i> (Мчатся тучи, выются тучи)	369
Элегия (Безумных лет угасшее веселье)	370
Шалость (Румяный критик мой)	370
Осень. <i>Отрывок</i> (Октябрь уж наступил; уж роща отряхает)	371
Расставание (В последний раз твой образ милый)	374
Паж, или пятнадцатый год (Пятнадцать лет мне скоро минет)	374
Моя родословная, или Русский мещанин. <i>Вольное подражание лорду Байрону</i> (Смесь жестоко над собратом)	375

Заклинание (О, если правда, что в ночи)	377
Из Barry Cornwall (Пью за здравие Мери)	378
«Я здесь, Инезилья...»	379
«Пред испанкой благородной...»	379
«Для берегов отчизны дальней...»	380
Царскосельская статуя (Урну с водой уронив, об утес ее дева разбила)	380
Отрок (Невод рыбак расстилал по берегу студеного моря)	381
Рифма (Эхо, бессонная нимфа, скиталась по берегу Пеняя)	381
Труд (Миг вожделенный настал)	381
Герой (Да, слава в прихотях вольна)	381
Из записки к приятелю (Куда же ты? «В Москву, чтоб графских именин»)	383
«Стамбул гяуры нынче славят...»	383
Стихи, сочиненные ночью, во время бессоницы (Мне не спится, нет огня)	385
Начало сказки (Как весенней теплою порою)	385
«В начале жизни школу помню я...»	387
Из черновых набросков	389
«Как быстро в поле, вокруг открытом...» (389). «О муза пламенной сатиры...» (389).	
Мёдок. <i>Мёдок в уллах</i> (Попутный веет ветер, идет корабль)	390

1831

Красавица. <i>В альбом Н.Н. Гончаровой</i> (Все в ней гармония, все диво)	390
Эхо. <i>Из Томаса Мура</i> (Ревет ли зверь в лесу глухом)	391
«Ты внемлешь грохоту громов...»	391
К тени полководца (Перед гробницею святой)	391
Клеветникам России (О чем шумите вы, народные витии?)	392
Бородинская годовщина (Великий день Бородина)	394
19 октября 1831 (Чем чаще празднует лицей)	396
Отрывок (Когда в объятия мои)	397

1832

«Нет, я не дорожу мятежным наслаждением...»	398
В альбом А.О. Россетти (В тревоге пестрой и бесплодной)	398
Начало повести (В еврейской хижине лампада)	398
Юдифь. <i>Отрывок</i> (Когда владыка ассирийский)	399
Альфонс. <i>Начало поэмы</i> (Альфонс садится на коня)	400
Подражание Данте (И дале мы пошли – и страх обнял меня)	401
В альбом (Долго сих листов заветных)	403
Княжне А.Д. Абамелек (Когда-то, помню с умиленьем)	403
В альбом (Гонимый рока самовластьем)	403
«Нет, нет, не должен я, не смею, не могу...»	404

1833

Подражания древним (Славная флейта, Феон, здесь лежит)	404
А.А. Олениной (Когда б не смутное влеченье)	405
Гусар (Скребницей чистил он коня)	405
Воевода. <i>Из Мицкевича</i> (Поздно ночью из похода)	408
Будрыс и его сыновья. <i>Из Мицкевича</i> (Три у Будрыса сына)	410
«Не дай мне Бог сойти с ума...»	411
Родриг (На Испанию родную)	412
Экспромт (Полюбуйтесь же вы, дети)	415
Родословная моего героя. <i>Отрывок из сатирической поэмы</i> (Начнем ab ovo; мой Езерский)	416

Из черновых набросков	419
«Свят Иван, как пить мы станем...» (419). «Французских рифмачей суровый судия...» (420).	
«Напрасно я бегу к сиюнским высотам...» (421). «Один-то был у отца у матери единый сын...» (421). «Друг мой милый, красно солнышко мое...» (422).	

1834

Странник. <i>Из Буньяна</i> (Однажды, странствуя среди долины дикой)	422
Мицкевич (...Он между нами жил)	424
К Н*** (С Гомером долго ты беседовал один)	425

1835

Из Анакреона. <i>Отрывок</i> (Узнаем коней ретивых)	425
«Бог веселый винограда...»	426
«От меня вечер Леила...»	426
Мальчику. <i>Из Катуллы</i> (Пьяной горечью Фалерна)	427
Из Горация (Кто из богов мне возвратил)	427
«Юноша! скромно пируй...»	428
«Юношу, горько рыдая, ревнивая дева бранила...»	428
Подражание арабскому (Отрок милый, отрок нежный)	428
Отрывок (Не розу пафосскую)	429
Романс (Жил на свете рыцарь бедный)	429
Шотландская баллада (Воротился ночью мельник)	431
Полководец. <i>Баржлай де Толли</i> (У русского царя в чертогах есть палата)	431
Туча (Последняя туча рассеянной бури)	432
Пир Петра Первого (Над Невою резво вьются)	433
На выздоровление Лукуллы. <i>Подражание латинскому</i> (Ты угасал, богач молодой)	434
«..Вновь я посетил...»	435

1836

Д.В. Давыдову. <i>При посылке «Истории Пугачевского бунта»</i> (Тебе, певцу, тебе, герою)	437
Художнику (Грустен и весел вхожу, ваятель, в твою мастерскую)	438
Мирская власть (Когда великое свершалось торжество)	438
Подражание итальянскому (Как с древа сорвался предатель-ученик)	439
Из VI Пиндемонта (Не дорого ценю я громкие права)	439
Молитва (Отцы-пустынники и жены непорочны)	439
«Когда за городом, задумчив, я брожу...»	440
«Я памятник себе воздвиг нерукотворный...»	441
На статуи	441
На мальчика, играющего в бабки (441). На мальчика, играющего в свайку (442).	
19 октября 1836 (Была пора: наш праздник молодой)	442
К жен (Пора, мой друг, пора! Покоя сердце просит)	444

ЭПИЧЕСКИЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ

Руслан и Людмила	447
Кавказский пленник	517
Братья-разбойники	540
Бахчисарайский фонтан	548
Цыганы	564
Граф Нулин	582
Полтава	592

Тазит (Гасуб)	634
Домик в Коломне	642
Евгений Онегин	652
Медный всадник	833
Анджело	847
Сказка о царе Салтане, о сыне его славном и могучем богатыре князе Гвидоне Салтановиче и о прекрасной царевне Лебеди	866
Сказка о поле и о работнике его Балде	895
Сказка о мертвой царевне и о семи богатырях	902
Сказка о рыбаке и рыбке	919
Сказка о золотом петушке	928

ДРАМАТИЧЕСКИЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ

Борис Годунов	939
Скупой рыцарь	1012
Моцарт и Сальери	1027
Каменный гость	1036
Пир во время чумы	1063
Русалка	1071

ПРОЗА

Повести покойного Ивана Петровича Белкина	1093
От издателя	1093
Выстрел	1095
Метель	1103
Гробовщик	1111
Станционный смотритель	1115
Барышня-крестьянка	1123
Пиковая дама	1136
Дубровский	1154
Капитанская дочка	1202
Арап Петра Великого	1281

ДРАМАТИЧЕСКИЕ ЭТЮДЫ

Сцены из рыцарских времен	1304
Путешествие в Арзрум	1321
<i>Алфавитный указатель</i>	1351